

RU

Этнография Ориента в произведениях Н. А. Байкова на примере зооморфных образов, священных локусов и мифохронотопа (к проблеме сохранения традиций в контексте миграционных процессов Дальнего Востока России)

Кириллова Е. О.

Аннотация. Целью предпринятого исследования стало - в широком смысле - рассмотрение ориентального образа тайги в художественных произведениях писателя-эмигранта Н. А. Байкова. Научная новизна состоит в том, что впервые на материале художественных текстов Н. А. Байкова анализируются этномифологические установки и фольклорные представления, связанные с культурно-историческими традициями населения Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Полученные результаты доказывают, что центральное внимание в творчестве писателя уделяется образу тигра и анализу соотношений, которые связаны с представлениями об этом животном в различных ориентальных мифологических картинах мира. Понятия мифологического хронотопа и священных локусов удостоиваются подробного обращения, в результате чего доказывается, что они детерминированы функционированием в художественных текстах Н. А. Байкова ориентального мотива владыки тайги.

EN

Ethnography of the Orient in N. A. Baykov's Works by the Example of Zoomorphic Images, Sacred Loci and Mythological Chronotope (on the Issue of Preserving Traditions in the Context of Migration Processes in the Russian Far East)

Kirillova E. O.

Abstract. The paper aims - in a broad sense - to consider the oriental image of the taiga in the literary works by the émigré writer N. A. Baykov. The research is novel in that it is the first to analyse ethnomythological attitudes and folklore perceptions related to the cultural and historical traditions of the population of the Russian Far East and the Asia-Pacific region countries, using the material of N. A. Baykov's literary texts. The research findings prove that central attention in the writer's creative work is paid to the image of the tiger and the analysis of the relationships that are associated with the perceptions of this animal in various oriental mythological worldviews. The notions of the mythological chronotope and sacred loci are addressed in detail, as a result of which the researcher proves that they are determined by the functioning of the oriental motif of the lord of the taiga in N. A. Baykov's literary texts.

Введение

Актуальность настоящего обращения к творчеству Николая Аполлоновича Байкова (1872-1958) на сегодняшний день обусловлена тем, что в современном литературоведении активизировались исследования, посвящённые проблемам изучения литературы русского зарубежья Дальнего Востока и художественным произведениям поэтов и писателей, связанных с дальневосточной эмиграцией. Активно разрабатывается ориентальная тема в творчестве писателей восточной ветви русского зарубежья: Б. Юльского, М. Щербакова, А. Хейдока и др. Актуальность формулирует, на наш взгляд, и то, что подобные обращения напрямую связаны с художественной этнографией народов Северо-Восточной Азии (Китай, Маньчжурия, Корея). Для достижения поставленной цели в работе решались следующие задачи: 1) изучить зооморфный образ тигра в дальневосточной мифологии и его реализацию в творчестве Н. Байкова; 2) проанализировать духовные основы сущности зверя и человека; 3) обратиться к положенной в основу нескольких произведений писателя легенде

о Великом Ване – владыке тайги; 4) осмыслить художественную реализацию восточной обрядовости, связанной с почитанием таёжного царя и бога природы; 5) исследовать пространственно-временную мифологию в текстах писателя: мифологический хронотоп и священные локусы (символика гор, пещер, утёсов, водоёмов).

Основными методами исследования являются: сравнительно-исторический, системно-структурный, компаративистский, метод контекстного анализа и др. Теоретико-методологическую основу составляют идеи и концепции разных авторов по изучению специфики ориентальной, в том числе тунгусо-маньчжурской, духовной культуры и этнографии (Гарин-Михайловский, 1957; Конрад, 1996; Ионова, 1970; Малявин, 2000; Шамякина, 2009; Борейко, 2022). Поскольку Н. Байков создавал свои произведения с учётом историко-этнографического, социально-политического, автобиографического контекстов, к тому же проза писателя имеет краеведческую и анималистическую основы и активно переводилась на многие восточные языки, то учитывался опыт тщательного изучения работ исследователей дальневосточной школы этнологии и антропологии, как прошлых лет, так и современного времени (Козлов, 1924; Старцев, 1994; Березницкий, 2003). Теоретическую базу исследования, безусловно, составили и литературоведческие работы, предметом которых является изучение художественных достоинств такого уникального явления, как литература русской дальневосточной эмиграции. Однако непосредственно для данной статьи акцентированы были лишь работы, посвящённые творчеству Н. Байкова (Дмитровский-Байков, 2000; Неживая, 2000; Плостина, 2002; Меряшкина, 2013; Сайками, 1962; Ким Рехо, 1997; Крюков, 2012). Отметим, что некоторый подробный анализ библиографии по проблемам изучения произведений заявленного писателя содержит авторская статья «Духовно-ценностная концепция Ориента в художественных произведениях Н. А. Байкова» (Кириллова, 2022).

Практическая значимость нашей статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и выводы могут быть использованы при создании обобщающих работ по истории литературы дальневосточной эмиграции, а также в вузовских курсах «Литература русского зарубежья и стран Азиатско-Тихоокеанского региона», «Русское литературное дальневосточное зарубежье», «Литературная регионалистика» и др.

Отметим, что в авторской монографии и предыдущих статьях уже предпринималось обращение к теме реализации таёжного пространства у Н. Байкова (Кириллова, 2015; 2016; 2019а; 2019с; 2022; Петраченко, Кириллова, 2016), однако эти исследования не имели завершающего характера. Думается возможным сделать уместное отступление, чтобы понять важность изучаемой темы для писателя.

Так, в 1889 году после окончания классической гимназии в Киеве перед будущим писателем встал выбор: военная служба или карьера учёного, он собирался поступать в Санкт-Петербургский университет на факультет естествознания (Дмитровский-Байков, 2000, с. 6). С самого детства мать заметила в мальчике интерес к природе, родители стали всячески поощрять подобные увлечения сына, даже устроили маленький зверинец на Киевском хуторе, где он делал первые свои наблюдения. Уже тогда в Николае зародились умение и желание заботиться о природе. Отец же надеялся сделать из мальчика настоящего охотника – в 12 лет он подарил ему монтекристо – духовое ружьё, за ним последовала двустволка тульского завода. Так начиналась охотничья карьера Н. Байкова (2012). Необходимо отметить, что в это же время в жизни юноши произошла первая судьбоносная встреча, он познакомился с известным путешественником Н. М. Пржевальским, который являлся его «кумиром». Значение этой встречи было огромным: генерал, знаменитый путешественник и писатель, соизволил по-свойски побеседовать с 14-летним мальчиком-кадетом и поощрить его интерес к путешествиям и научной деятельности. День знакомства с Н. М. Пржевальским стал точкой отсчёта во всей его судьбе. Случившееся тогда писатель позже подробно опишет в автобиографическом очерке «Заветы Пржевальского». Мысль о Дальнем Востоке Николаю тоже внушил знаменитый тёзка. Так, пророческими стали слова известного путешественника: «Если ты так любишь природу и охоту, советую тебе после учёбы отправиться на Дальний Восток. Дивный край! Прекрасная охота! Тайга – что твои силывасы Бразилии! Степи – пампасы Аргентины! Такой природы нет даже у нас на Кавказе и Туркестане. Жаль, что мне не удалось побывать там вторично. Ты интересуешься узнать, убивал ли я тигров? К сожалению, нет. Много всякого зверя я стрелял, но тигров не удалось взять ни одного. Это сделаешь за меня ты, когда будешь в тайге» (с. 11). На память об этих встречах Н. М. Пржевальский подарил мальчику свою книгу «Путешествие в Уссурийский край» с надписью: «Моему юному другу Николаю Байкову на память от старого лесного бродяги» (с. 14). По воспоминаниям Н. Байкова, отдавая книгу, Николай Михайлович сказал: «Возьми эту книгу и постарайся её дополнить. Она будет тебе полезна в будущем!» (с. 12). Уже много позже, в 1942 году, в Харбине, в интервью японскому журналисту Сайками Токио (1962) в разговоре о Н. М. Пржевальском Николай Аполлонович скажет, что «слова Пржевальского, книга с дарственной надписью определили и его судьбу»: «Только вместо Уссурийского края я вступил на землю Маньчжурии. Я начал работать, храня в сердце завет великого путешественника, преданного науке и Родине» (с. 234).

Повесть/роман «Великий Ван» (1936), принесшая Н. Байкову известность, для русских и западноевропейских читателей открыла новый материк с его чудесной природой и древними преданиями. Но книга была открытием и для восточных читателей. Никто из дальневосточных писателей не изображал так живописно и романтично жизнь маньчжурской тайги, которая была совсем рядом. Оценивая труды Н. Байкова, поэтесса русской дальневосточной эмиграции Елизавета Рачинская (1982) в книге «Перелётные птицы» писала: «По глубине проникновения в тайны маньчжурской тайги и её обитателей, по любви к ней, по длительности полного и счастливого слияния с её жизнью вряд ли многие могут быть поставлены рядом с широко известным и за пределами Маньчжурии писателем-охотником Н. А. Байковым» (с. 5). В своих многочисленных

очерках и рассказах Н. Байков даёт полное представление о Маньчжурии, являющееся, по сути, подробным энциклопедическим описанием этого края. Но при этом мифологизирует пространство. Действительно, главным объектом в произведениях Н. Байкова (2011) является природа, тайга. Она наряду с человеком становится равноправным героем его очерков и рассказов. В природе писатель находит высшую нравственность. Так, в предисловии к своему сборнику «В горах и лесах Маньчжурии» эту жизненную формулу он выразил в своеобразном поэтическом отклике: «У стен недвижного Китая, / В глуши степей, лесов и гор, / Где мчитесь Сунгари играя, / Стремясь на волю и простор, – / В отрогах мрачного Хингана / Таится сказочный дракон, / И там утёсы-великаны / Хранят его глубокий сон. / Там в тишине, готовясь к бою, / Дракону в каменную грудь / Россия мощною рукою / Вковала свой железный путь. / И в страны Дальнего Востока, / В глухие дикие края / Влилась стремительным потоком / Культуры светлая струя. / Под синим кровом небосвода / Здесь вечный мир и тишина, / И первозданная природа / Святым величием полна. / В низинах рек, в степях дремучих, / На высях гор, во тьме лесов / Лишь бродит зверь тайги могучий, / Хунхуз и дикий зверолов. / Красивы пади здесь, равнины, / Кристально-чисты небеса, / И чудны сопки исполины, / Их кручи, дебри и леса. / Взгляни на горы эти, скалы; / Болит ли сердце, ноет грудь, / Приди сюда, мой друг усталый, – / Здесь можно будет отдохнуть!..» (с. 7). Добавим, что полная версия этого стихотворения под названием «Маньчжурия» (оно, к слову, было очень популярным среди харбинцев) обнаруживается в путевых заметках Николая Аполлоновича «От Хингана до Харбина» (Байков, 1995, с. 304).

Основная часть

Этнография Ориента

Тематика произведений Н. Байкова понятна уже из их названий. Большая часть рассказов посвящена жизни маньчжурской тайги и её обитателей, природе и её взаимодействию с человеком, столкновению человеческих представлений о жизни с суровым первобытным законом тайги. Н. М. Пржевальский прозорлив был и в том, что предсказал будущему писателю встречу с владыкой тайги. Образ тигра станет неотъемлемой частью всех произведений писателя. По разным сведениям, сам Николай Аполлонович убил двух или трёх тигров. Но совершенно точно, что один из этих тигров был Великим Ваном. «Несколько лет этот огромный тигр, выделявшийся среди прочих необыкновенной силой и хитростью, нагонял страх на местных жителей, убивая всех, кто пытался его преследовать. Никто не мог с ним справиться, и только русский офицер нашёл, выследил и уничтожил людоеда» (Байков, 2009, с. 31). По отзывам, «счастливые китайцы были более чем благодарны “лоча” (русскому)» (Крюков, 2012). «Победой» над Великим Ваном, а также защитой от бандитов бедных китайских крестьян и «кули» Николай Аполлонович, ещё не будучи популярным в среде дальневосточной эмиграции писателем, приобрёл авторитет и известность. За ротой Заамурского полка, которой в 1910-1914 годах командовал Н. Байков, даже закрепилась слава «тигровой» – за мужество командира и солдат в охоте на хищников. «Весь личный состав набирался только из добровольцев, тех, кто сам вызвался служить в этом опасном подразделении. Рота всегда находилась в боевой готовности, постоянно вступала в боевые столкновения с нарушителями границы Полосы Отчуждения. Активно использовалась рота и для проведения разведопераций. В начале 1914 года Байкова переводят на другое место службы, но «заложенные им традиции ещё долго служили “во славу царю и Отечеству”» (Крюков, 2012). За эти годы начинающий писатель исколесил обширный район Маньчжурии, от границ Кореи до Амура, выполняя задание Академии наук (Ким Рехо, 1997, с. 57-58).

Легендарный тигр, отмеченный иероглифами «Ван» и «Да/Дэ», является главным героем самого известного произведения Н. Байкова (2009) – повести «Великий Ван». «Недаром у китайца он вместо бога! К примеру, у нас Николай Угодник, а у них Ван! Видно, так уже положено! Каждому своё! Да, дела! Чего только на свете не бывает!» (с. 201) – так рассуждают о тигре русские солдаты. В основу повествования о царственном звере Н. Байков положил древнюю восточную легенду о Великом Ване. Согласно ей, в животном воплотился Горный дух, царящий над всей природой. «Душа великого человека, совершая цикл своих перевоплощений, поселяется в теле Великого Вана, а с его смертью переходит в цветок лотоса, невидимый для смертных, и пребывает в нём до полного очищения и слияния с мировой душой Вселенной» (с. 95). Можно говорить о функционировании в повести образов китайской мифологии и, более того, о замысле сюжетного воплощения, основанного на этих представлениях. «Писатель рассматривает мировое устройство через реализацию философских принципов буддизма и даосизма. То есть традиционный китайский образ с устойчивым значением позволяет говорить об ориентальном характере» (Меряшкина, 2013, с. 34). Через образ Вана, Жёлтого Лотоса и Вселенной реализуется «принцип даосизма, гласящий, что Космос присутствует во всём, и затем, совершив земной кругооборот, снова возвращается в Дао» (Меряшкина, 2013, с. 35). Н. Н. Плостина (2002) справедливо отмечает, рассматривая связь образа тигра с мифологией и отчасти буддистской традицией, что в образе Вана заложены человеческое и мифологическое начала. «Его миссия на земле обосновывается сохранением Вселенной в первозданном виде. Великого Вана Н. Байков описывает как совершенное творение природы. Это тот самый тигр, воплощение силы ян, которая проходит через мифы Китая» (с. 19-20).

И в самой повести «Великий Ван», и в многочисленных рассказах писателя тигр предстаёт как «таёжным властителем», так и просто «великолепным экземпляром маньчжурского тигра, со всеми биологическими особенностями», достойным написания какого-нибудь научного очерка. Кроме этого, тигр является существом очеловеченным. У дальневосточного писателя животное наделено не только инстинктами, но и формами человеческого сознания. Это чувства, память и даже некий язык, в чём он становится подобным, равным людям.

Такой художественный подход Н. Байкова в изображении животного является не вполне обычным, нетрадиционным. С одной стороны, в описаниях и характеристиках писателя появляется точность, характерная скорее для научной, а не для художественной литературы, а с другой – с научными характеристиками часто близко соседствуют разнообразные отсылки к образам дальневосточной, в частности китайской и тунгусо-маньчжурской мифологии.

В самом начале повести «Великий Ван», когда читателю впервые показывается тигрица (мать Вана), она предстаёт в первую очередь как самка животного, ведомая «инстинктом сохранения рода» и ищущая безопасное убежище для выведения и воспитания потомства: «Только при наличии природной сообразительности, собственного житейского опыта и инстинкта самосохранения самке любого зверя удаётся найти для себя подходящее жилище, которое отвечало бы всем необходимым условиям и обстоятельствам в первый период появления на свет детёнышей и их первоначального воспитания» (Байков, 2009, с. 57). Далее рассказывается о повадках тигров, вплоть до того, о какие деревья они предпочитают точить когти, представлена их физическая характеристика, повествуется о состоянии и поведении тигрицы, ждущей появления на свет тигрят, а потом и о самих новорождённых.

У подросших тигрят начинают проявляться «биологические признаки пола», «присущие всем молодым существам»: любопытство и инстинкт хищника. «Где недостаточно было опыта и соображения, там выручали инстинкт и жизненный опыт предков, унаследованный от родителей» (Байков, 2009, с. 81). Или: «Тигрята старались подражать матери, которая была для них примером и олицетворением всех видовых добродетелей» (Байков, 2009, с. 81). При этом весьма примечательно, что звери в текстах Н. Байкова (2009) оказываются способными на любовь, память, привязанность, верность, уважение. Мать-тигрица заботится о маленьком Ване и его сестре и любит их, не забывая даже тогда, когда они сами становятся взрослыми. Помнит она и своего самца-партнёра, старшего Вана. Младший Ван, в свою очередь, тоже не забывает мать, а став взрослым, он – почти по-человечески – «задаётся целью отыскать» её (с. 135), и, когда это удаётся, Ван, чтобы успокоить не узнавшую сына, рычащую мать-тигрицу, покорно ползёт к ней. При этом он «напевает песенку, знакомую ему с детства» (с. 135). «В мозгу тигрицы как молния мелькнули давно забытые образы и воспоминания, и она узнала своего сына, Великого Вана. Сын первый подошёл к матери и стал ласкаться к ней, лизать её голову, глаза, уши и шею. Мать отвечала ему тем же и мурлыкала свою колыбельную песенку, так хорошо знакомую Вану, из далёкого детства» (с. 136). А далее также почти по-человечески мать знакомит старшего сына с годовалыми братом и сестрой, которых старший, «добродушно улыбаясь» (с. 136), в знак приветствия и расположенности облизывает своим шершавым языком. Апофеозом этой родственной встречи становится приглашение Вана в пещеру, находящуюся на вершине горы. Там жили они все вместе до января и устраивали совместные охоты на кабанов и изюбрей, на них Ван и самка-мать помогают молодым тигрятам учиться охотиться.

Ван вспоминает и места, где родился и вырос. Эти описания пронизаны особыми чувствами, которые испытывает зверь: «Прошли звериные ночи, и Вана потянуло в родные места, в район Татудинзы. Полный воспоминаний далёкого прошлого из времён своего нежного беззаботного детства, он находился под очарованием этих сладостных грёз, и картины былого как живые вставали перед ним» (Байков, 2009, с. 171). Ван испытывает желание вернуться в родные края, и здесь Н. Байков (2009) использует ориентальный мотив зова предков (мотиву планируется посвятить в дальнейшем особый разговор). «Желая увидеть знакомые места, Ван обошёл всю Татудинзу. Побывал во всех её пещерах, на старых лёжках и в логовищах, и какое-то неиспытанное чувство закрадывалось в его закалённое, ожесточённое борьбой за существование сердце. Он поселился в пещере, где родился и где протекали первые дни его жизни. Всё здесь оставалось по-старому, и ничто не изменилось за эти пятнадцать лет. Только как будто уменьшились размеры логовища, и огромное тело его едва помещалось под низкими каменными сводами» (с. 171). В родных ущельях Ван остаётся надолго, будто бы подпитывая свои силы, чтобы стать ещё могущественнее и величественнее. В описаниях же, сопровождающих размышления Вана, передаются ощущения человеческие, это часто мысли повзрослевшего человека, пришедшего навестить места своего детства, которые казались раньше огромными пространствами, будь то комната, двор и т.п. У Н. Байкова мотив зоолатрии, или очеловечивания животного в текстах посредством разных способов, кажется, на наш взгляд, столь важным, что также заслуживает в перспективе отдельного обращения.

Повесть «Тигрица», как и «Великий Ван», демонстрирует эстетическую и мировоззренческую позицию писателя. Она датируется 1940 годом. Эпиграфом к произведению служит хорошо известное стихотворение Ф. И. Тютчева: «Не то, что мните вы, природа: / Не слепок, не бездушный лик – / В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...» (Байков, 2011, с. 531). И этот эпиграф функционирует далеко не просто номинативно – как очередная отсылка к природе. В использованных поэтических строках скрыт глубочайший для писателя посыл. Русская литература во все периоды своего развития отличалась самобытным вниманием к миру природы. Во второй половине 30-х гг. XX века Н. Байков заговорил о природе Маньчжурии, и эта тема почти сразу стала основной в его творчестве. Не покорение природы человеком, а познание её законов, воспитание в человеке чувства милосердия легли в основу философии автора. Глубокие научные знания в сочетании с художественным мастерством позволили писателю создать свой образ природы. Этот синтез документального и художественного, «научной ценности» и «изобразительной силы» ярко проявился в повести «Тигрица».

Примечательно, что сам Н. Байков (2011) называет повесть «таёжной былью». Одной из сюжетных линий становится факт, попадающий в ранг весьма удивительных, даже необыкновенных для современного человека, в том числе читателя. Маленький тигрёнок, лишившийся своей биологической матери, был вскормлен естественным образом – женщиной. Точнее, грудным молоком главной героини Настасьи. У неё родился

сын, и молодая женщина не видела ничего зазорного в том, что прикладывала зверёныша Ваню к собственной груди. Так вдвоём с братом Борькой они сосали материнское молоко и спали обнявшись. «Напившись молока досыта, тигрёнок отвалился от груди и заснул крепким сном на руках у Настасьи. После тигрёнка пришла очередь и её собственного сына, который улёгся рядом со своим приёмным братом и, обняв его своими пухлыми ручонками, начал насыщаться» (с. 676-677). После взросления отпущенный в тайгу, в свою родную стихию, тигр Ванька (Ван) часто возвращается к дому своей «человеческой» матери. Он скучает по ней, тоскует по своему молочному – человеческому – брату, которому, в свою очередь, подкладывают тёплого котёнка Ваську, потому что Борька капризничает и не хочет засыпать без своего пушистого четвероногого брата Вани. «В зимовье пришёл маленький Ван. Он стоял около Насти и тёрся своей круглой усатой головой о её колени. Борис был у неё на руках и, стараясь поймать за уши своего приятеля, кричал: “Вань! Мили Вань!”. Стоя у порога, я залюбовался этой картиной и молча наблюдал, с каким участием Настасья ласкала своего приёмныша, блудного сына» (с. 703).

Трудно охарактеризовать достоверность описываемых Н. Байковым (2011) в повести событий, однако сам писатель в предисловии к «Тигрице» утверждал, что «сюжет настоящего романа взят из действительной жизни русских в тайге Маньчжурии, причём сохранены подлинные имена и фамилии действующих лиц» (с. 532). Подтверждая это, писатель добавляет: «Многих из них уже нет в живых, но некоторые ещё здравствуют и, прочтя эту книгу, вспомнят о былом невозвратном. Я буду очень доволен, если эта книга заставит молодёжь призадуматься» (с. 532). Добавим, что объективность происходивших в тайге неординарных контактов человека и животного может подтвердить большое количество подобных примеров в творчестве Н. Байкова. Так, некоторые рассказы повествуют о весьма известных реальных случаях, когда маньчжуры-зверолювы растят тигрят, которые остались без матери. Такие тигрята вырастали в фанзе и становились совершенно ручными. Конечно, через год или два хищник уходил в тайгу и жил там уже самостоятельно. Но «такой тигр никогда не мог забыть своего воспитателя и время от времени навещал его в фанзе, ласкаясь, как домашняя кошка, а при встречах со звероловом в тайге он сопровождал его при обходе ловушек, всячески стараясь показать свою любовь и привязанность» (Байков, 2012, с. 368). Об этом, к примеру, можно прочитать в рассказе «Труженики леса». В подобных сюжетах писатель также изображает противостояние людей и животных – жестокие люди лишают тигрят родителей, ранят тигров не ради спасения своей жизни, а ради развлечения.

Н. Байков (2012) акцентирует внимание на том, что, живя с царём зверей в мире, маньчжур старается спасти зверя от пришельцев. На такое покровительство тигр отвечает, уступая ему дорогу. Так, в «Сказочной были» рассказчик в сопровождении друга уже несколько дней ведёт преследование тигра. Царь тайги был уже в окружении собак, слышалось его ворчание. Но внезапно возникший из ниоткуда старик-зверолюв Лао-Тай прокричал тигру «что-то на своём лесном языке» (с. 87). На вопрос охотников, куда делся тигр, старик-таёжник отвечает: «Я сказал ему, чтобы он уходил отсюда, так как вы хотели его убить! Это мой тигр, я взял его маленьким и воспитал. Убивать его нельзя: это Ван! Вы благородные русские охотники и не станете нарушать наших древних обычаев, установленных предками. Лес велик! Идите в другие места, и Великий горный дух защитит вас от бед и несчастий!» (с. 87). Охотники, поражённые вниманием и словами старого маньчжура, ушли довольные, что «прекрасный старый тигр, украшение первобытных лесов Маньчжурии, на этот раз уцелел и будет жить, утешая последние дни древнего старца, последнего из могижан, верного слуги императорского Китая» (с. 88). Через несколько дней они встретили этого же старика Лао-Тая, за которым следовал, «как собака», тот самый его преданный питомец. Расположившись около фанзы старика, Ван прекрасно проводил время: «Подойдя к старику, он начал ласкаться, как все кошки, толкая головой своего воспитателя, отчего щедедушное тело его качалось из стороны в сторону» (с. 90). Финальные сцены этой чудесной идиллической картины писатель сопровождает размышлениями русских охотников, которые любовались «необыкновенной картиной единственного в мире общения человека с царственным диким зверем» (с. 90). И только теперь они поняли, что «“Великий Старик” был прав, став на защиту своего питомца» (с. 90). А подтверждая невыдуманность этой истории, но при этом её невероятность, невозможность в неё поверить, герой-повествователь заключает: «Много лет прошло с тех пор, и теперь мне кажется всё это сказкой, навеянной песнями дремучих лесов Маньчжурии» (с. 90).

Отметим, что жанровые выражения писателя достойны иного – полноценного – разговора, но всё-таки добавим здесь, что жанр «сказочной были», «романа-были», «маньчжурской были», «таёжной были» встречается у Н. Байкова довольно часто. Этим жанром писатель, вероятно, хочет подчеркнуть особенности своих повествований. Как известно, была – это жанр литературы, относящийся к прозе и обозначающий любой рассказ о событиях, которые якобы имели место на самом деле, рассказ о действительном случае. Происхождение слова «быль» от глагола «быть» указывает на достоверность описываемых событий. Главным отличием были от рассказа становится то, что первая чаще всего пересказывается устно, а второй распространяется на бумаге (<https://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/bil/?q=458&n=36>). Основными признаками были являются её реальная основа (случай, который произошёл на самом деле), краткость (это небольшое произведение) и эмоциональное воздействие на читателей (<https://foxford.ru/wiki/literatura/byl>). Таким образом, исходя из подобных жанровых обозначений, удивительные повествования Н. Байкова становятся для читателей реальностью, делами давно минувших лет, но имевшими место, и сомневаться в этом причин нет. Добавим в продолжение темы, что в своих художественно-этнографических текстах дальневосточный писатель приводит вовсе не фольклорные истории о том, как лечат раненых на охоте тигров. Так, в произведении «Труженики леса» из сборника писателя «Сказочная была» Н. Байков (2012) рассказывает случай из действительной жизни, и в самом сюжете уже мало мифопоэтического: «Известен случай в Нингунинском районе,

когда зверолов вылечил тигра, умиравшего от пулевой раны. Раненый тигр был перенесён в фанзу, где около полугода за ним ухаживал зверолов. Когда хищник оправился, он был уже покорён человеком и свою благодарность выражал ласками и довольным мурлыканьем. Отпущенный на свободу, зверь несколько раз возвращался к своему спасителю и отдыхал у него в фанзе» (с. 368).

Н. Байков, по сути, становится бытописателем дикой природы и её людей, во всех текстах читатель наблюдает весьма своеобразное религиозно-нравственное мировоззрение зверолова-маньчжура, который чтит природу и ставит её выше всего. Про такого «дикого» человека Н. Байков (2012) пишет: «Он не знает Бога, Творца Вселенной, но верит в существование добрых и злых духов. Животные, растения, земля, вода, огонь и воздух одарены сознанием и могут совершать хорошее и плохое, поэтому им надо приносить жертвы. По существу маньчжур является убеждённым анимистом. Догматы буддизма, ламаизма и конфуцианства ему также не чужды, но у него своя религия, выработанная веками в тяжёлой борьбе за существование в диких первобытных лесах, где величественная природа подавляет человека, не допуская его господства» (с. 366). И в большом количестве тексты писателя демонстрируют примеры обрядово-ритуальных действий, связанных с поклонением богам природы, духам различных стихий, местностей. Маньчжуры сооружают божницы в честь Великого духа водопада, Великого духа таёжных угодий, Великого духа гор и т.п. Для Н. Байкова значимо и близко, что маньчжуры-таёжники любят лес и с бережностью относятся к нему. «Маньчжур никогда без надобности не срубит дерева и даже не сломает ветку на кусте. Он считает, что растение такое же живое существо, как и он сам, и уничтожить его – совершить убийство» (с. 372). Или ещё фрагмент – к описаниям духовной жизни маньчжура: «У своей фанзы он сооружает игрушечную кумирню, посвящённую духу гор и лесов, и приносит благодарственную жертву в виде курительных свечей, возжигаемых на алтаре божницы. Иногда у такой кумирни висит на столбах чугунный колокол, густой звук которого разносится по тайге после захода солнца, когда зверолов, вернувшись с обхода ловушек, совершает благодарственную молитву Великому Духу охоты и промыслов» (с. 366). Звероловы-маньчжуры наделяют природу душой, относятся ко всем животным благожелательно и не причиняют зла даже явным вредителям. «Таёжные звери и птицы инстинктивно чувствуют в нём своего друга и совершенно его не боятся. Нередко рябчики и фазаны клюют зёрна из снопа, который вяжет зверолов, а медведи и кабаны приходят к нему на двор, чтобы полакомиться отбросами и костями» (с. 366-367). Всё это характеристики прекрасных – гармоничных – взаимоотношений между человеком и зверем, когда оба являются частью единого целого.

В рассказе «Васька» из сборника «Тайга шумит» огромный цирковой сибирский тигр в случайном русском эмигранте, оказавшемся в Александрии и не побоявшемся для развлечения публики войти в клетку вместе с укротителем, узнаёт своего бывшего хозяина и спасает его от других разъярённых хищников. Выяснилось, что Цезарь узнал своего бывшего хозяина, русского охотника-зверолова из Уссурийского края, который взял его ещё молочным тигрёнком, вскормил и воспитал и только благодаря войне вынужден был продать его в Гамбург торговцу зверями Карлу Гагенбеку. С тех пор прошло четыре года, тигр был продан укротителю зверей, и случайная встреча со своим воспитателем воскресила в его памяти дни детства и юности. «Умиленные этой идиллией зрители и сам укротитель со слезами на глазах любовались величественным могучим зверем, припавшим к ногам человека и выражавшим ему свою беззаветную любовь и привязанность. Русский охотник, называя ласковыми именами своего питомца, гладил его по широкому лбу и трепал по пушистому полосатому меху, приговаривая: “Ну что, Васька? Вот мы с тобой опять встретились! Спасибо, что выручил меня, дурака, а то без тебя пропал бы ни за грош! Твои товарищи растерзали бы меня в клочки! И итальянец не помог бы!”» (Байков, 2012, с. 43-44). Финал рассказа печален, пессимистичен и неизбежен: «Долго ещё беседовал наш земляк со своим Васькой, и разноплеменная публика, не понимая языка, любовалась красивой группой, пока администрация цирка не попросила всех о выходе, пообещав на будущее сенсационный аттракцион с русским “казачком” и его питомцем “Васькой”» (Байков, 2012, с. 44). В море социальных и общественно-политических потрясений, личной неустроенности пропадает сам казак-бедолага, а его питомец, в очередной раз лишившийся любимого хозяина, окончательно теряет веру в людей, показывает природный норы и, как следствие, перепродаётся: «Перед Грачёвым открывались широкие возможности. Однако, получив выгодное предложение от итальянцев, наш земляк наотрез отказался выступать публично в цирке. Получив в виде компенсации незначительную сумму, он запил горькую, опустил окончательно и исчез бесследно в волнах моря житейского. Владыка тайги, царь зверей “Васька-Цезарь” после этой встречи сильно заскучал, перестал есть и повиноваться своему хозяину. Во избежание несчастья итальянец снова перепродал его Гагенбеку и отправил в Гамбург. Дальнейшая судьба его, равно как и его воспитателя, неизвестна» (Байков, 2012, с. 44). Так заканчивается эта удивительная, грустная история. Однако в противовес подобной судьбе пленённого и брошенного хозяином тигра вспоминается другая. Про живущего на Зотовской заимке у Настасьи Вана из повести «Тигрица» Акиндин Бобошин вещает: «Вырос с доброго телёнка и молока уже не пьёт, подавай ему мяса! Сначала бил для него фазанов, а теперь стреляю коз. Иногда он сам ходит со мною на охоту и учится добывать зверя. Уже умеет скрадывать коз, а вот кабанов ещё не может, мал ещё и глуп. Несколько раз уходил сам в тайгу и там нашёл вою мать. Он приводил её один раз к зимовью, но она не подходила близко – боится людей. Должно быть, скоро уйдёт совсем, мать уведёт его далеко» (Байков, 2011, с. 696). Рассуждая о временной domestикации (одомашнивании) хищника, Бобошка с восхищением добавляет: «Славный зверюга! Послушный да ласковый, как собака! С Борькой подружился и спит с ним, обнявшись на кровати. С собаками за панибрата! Вот только теперь собаки не идут по следу тигра, думают, что это след своего Ваньки. Это уже плохо! Настасья любит его, как своего сына, ведь она кормила его грудью! И теперь он ластится к ней, как к матери» (Байков, 2011, с. 696).

Образ Великого Вана, священные локусы, мифологический хронотоп

И в «Тигрице», и в «Великом Ване» фигурируют «Леса Императорской охоты», где владычествовал великий зверь. Все места тайги, связанные с физическим пребыванием там тигра, так или иначе сакрализируются. Писатель неоднократно уточняет, что воспоминания об этих охотах сохранились до сих пор в виде легенд и сказаний. «В одном из ущелий, носящем название “Пасть Дракона” (Коу-Лу), нашли мы древнюю фанзу или, вернее, пещеру, вырубленную в отвесной скале гранита. Хозяин фанзы, дряхлый, но ещё добрый старик-маньчжур, с таким же каменным гранитным лицом, приютил нас в своём первобытном жилище и поведал много занимательного и интересного о давно минувших днях царствования китайских Богдыханов и грандиозных охотах их в этих “Заповедных лесах” древнего Лао-э-Лина» (Байков, 2011, с. 609). У местных звероловов и хунхузцов (так называли лесных разбойников, членов организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях во второй половине XIX – первой половине XX в.) этот старик пользовался особым почётом и уважением. «Слово, сказанное Стариком Великого Леса, было для них законом. В молодости он служил в знаменитых войсках маньчжурских правителей Китая и принимал участие в царских охотах, поэтому неудивительно, что он знал много и старая лысая голова его, изборождённая глубокими морщинами, хранила немало исторических фактов и воспоминаний» (Байков, 2011, с. 610).

В культуре коренных народов таёжной зоны Дальнего Востока России существуют легенды о священных скалах – жилищах тигров, охраняемых таёжными великанами и духами, или же о тиграх, превратившихся в скалы. В этих местах человеку нельзя бывать: «Жила одна женщина. Раз пошла она в лес. И повстречала там тигра. Они полюбили друг друга и поженились. Мать долго её ждала. Искала, искала. Потом в лес пошла. И увидела две скалы. Одна скала – тигр, другая – её дочь. Эти скалы найти нельзя. <...> А если кто и найдёт, то тигр оживает и убивает человека. Поэтому никто туда и не ходит. Все боятся» (Березницкий, 2003, с. 210). Говоря о культе скал, имеются «верования о сильных шаманах, принимавших облик тигров и живших в скалах» (Березницкий, 2003, с. 210-211). В Юго-Восточной Азии и Корее тигра почитали как бога – хозяина гор и пещер, покровителя правящих королевских родов и рассматривали как посредника между Небом и Землёй. У Н. Байкова (2009), согласно восточной легенде, после своей смерти Владыка Ван тоже окаменеет. «Предание тайги говорит, что Горный Дух, Великий Ван, заснул глубоким сном на вершине древнего Лао-Э-Лина. Тело его слилось в одно целое с гранитным выступом утёса, гордо возвышаясь над застывшими волнами горных хребтов» (с. 226).

В повествовании о жизни тигрицы и тигрят в повести «Великий Ван» проявляются явные мифологические представления – например, описание их безопасного логова, расположенного почти на самой вершине горы Татудинзы и названного «заоблачным замком»: «Внизу, у подошвы горы, бушевали стихии, но в заоблачной тишине торжествовало спокойствие, и неприступный замок властительницы тайги был погружён в глубокий безмятежный сон» (Байков, 2009, с. 80). Тигрица и её дети живут там, где не показываются разные враждебные или просто надоедливые существа, где их не увидит почти никто, но сами они из своего логова могут видеть невероятно далеко вокруг, словно озирают с высокой крепости свои огромные владения. Семья хищников нашла надёжное убежище, вполне безопасное от всяких врагов: «Сама вершина горы в летнее время почти всегда бывает закутана облаками, и только осенью и зимой она белеет своими девственными снегами в прозрачной синеве неба. В этом заоблачном замке семья могучих зверей могла жить совершенно спокойно» (Байков, 2009, с. 72). Очевидно, что перед читателем вырисовывается топонимика мифологического пространства, что подтверждают следующие отсылки. Так, в ясные солнечные дни тигрята беспечно и беззаботно предавались возле своей пещеры забавам и веселью, не тревожимые никем, «вдали от мира сего, под защитой неприступных альпийских высот» (Байков, 2009, с. 72). В «заоблачной келье», «одной из каменных ниш», на самой вершине Кокуй-Шаня некоторое живёт Властелин тайги Великий Ван (Байков, 2009, с. 117). Подобными фразами писателем подчёркиваются места, недостижимые для других – земных, таёжных – животных, это места, доступные лишь только для горалов-скалолазов или некоторых птиц. В «заоблачные края», на вершину Татудинзы, уводит Ван свою первую избранницу, молодую тигрицу, чтобы провести там медовый месяц, где «они будут совершенно одни, без посторонних любопытных глаз» (Байков, 2009, с. 141). Пещеры в суровых каменных громадах служат могучим хищникам укрытием и защищённым домом. В приведённых фрагментах текста можно видеть отсылки к священным местам обитания тигра, куда попадать нельзя. Так, например, у аборигенного населения Дальнего Востока существуют легенды о священных горах, скалах, тигровых пещерах – «куты агдуни», особых местах в тайге, связанных с тигром, в том числе «тигровых домах», где тигрицы производят на свет потомство. «В Маньчжурии тигрицы выводят детёнышей в скалистых горах, покрытых дремучим хвойным лесом, всегда в горных дебрях, под защитой скал, в неприступных хребтах высоких кряжей» (Байков, 2015). Нередко обращается писатель к «тигровым домам»: «В апреле самка котится в укромном логовище, обыкновенно среди густых зарослей, в каменистых россыпях южных склонов гор, в пещерах и под нависшими скалами» (Байков, 2011, с. 15-16). В очерке «За женьшенем» из книги «В дебрях Маньчжурии» обнаруживаем: «В те времена в пещерах горы тигры выводили своих детёнышей, и в ясные летние ночи можно было слышать, сидя у спасительного огонька, жалобные голоса тигрят и довольное мурлыканье взрослых. Иногда, очевидно, из любопытства, звери подходили к нашему костру, но держались всё же на почтительном расстоянии. Фосфорический свет их глаз мелькал тогда блуждающими огоньками на тёмном фоне зарослей, и слышны были их мягкие, крадущиеся шаги по камням и скалистым утёсам, причём на нас сверху сыпались с характерным звуком щебень и мелкие камешки» (Байков, 2003, с. 246).

Считается, что многие из подобных «тигриных» мест остаются табуированными и в настоящее время. Тигрица – мать будущего Вана – находит именно такое логовище: «В несколько дней будущая мать обыскала почти все известные ей места обширного района горы Татудинзы и не могла остановиться ни на одном: то ей казалось, что логово слишком открыто, то не защищено от ветра и дождя, то слишком сыро, то удалено от любимых охотничьих угодий. Долго пришлось ей ломать себе голову и решать наиболее важный вопрос всей её жизни, от которого зависит судьба потомства и отчасти жизнь её собственная. Наконец, после тщательных поисков из нескольких облюбованных ею мест она остановила свой выбор на одном из них, находящемся на южном склоне Татудинзы, среди непроходимых зарослей аралий и виноградника, где гранитные скалы и утёсы образовали лабиринт узких ущелий и проходов, под нависшею каменною глыбой в неглубокой пещере» (Байков, 2009, с. 58). В этом укромном месте будущая мать проводит свои дни в ожидании потомства: «Здесь солнце светило целый день, нагревая гранитные твердыни. Заросли и каменные дебри обеспечивали безопасность от врагов. Горный ключик, бьющий внизу из-под камня, недалеко от логовища, мог утолить жажду. В ближайших отрогах горы, в дубняках, постоянно держались стада кабанов, давая обильную пищу. Двуногий хищник – человек никогда не заходил в эти горные тущобы, так как ему здесь делать нечего» (Байков, 2009, с. 58).

Некоторые пункты лесных массивов у жителей тайги имели названия, связанные с тиграми, например Тигровые горы, Тигровые сопки, Тигровые скалы, Тигровые пади, Тигровые лога и проч. У Н. Байкова (2011): «Особенно любят тигры посещать выдающиеся отвесные скалы, нависшие над рекой, откуда открывается обширный кругозор на всю долину, соседние пади и ущелья» (с. 197). В произведениях Н. Байкова вершина горы часто бывает не видна снизу, из «обычного мира», так как закрыта облаками, как какой-то небесный остров, парящий отдельно от земли. Например, в «Тигрице» горный массив Мотьянлин означает – так его прозвало местное население – «горы, подпирающие небо» (с. 604). Или: «Многие места этих дебрей дико и неприступны, и природа здесь сохранила свой первозданный характер. Эти леса считались заповедными и находились под охраной Горного духа Великого Вана, живущего в центре этого горного узла, известного под названием “Бейдаян”» (с. 604–605). Гора в восточной мифологии сама по себе считается священным местом, обиталищем духов и божеств. И на протяжении развития всего сюжета в произведении «Великий Ван» этот мотив возникает вновь и вновь, с самого начала и до самого финала. В горах Ван рождается и растёт, там же впервые познаёт любовь. В горах Кореи, на родине своих предков, он становится по-настоящему взрослым. И всё туда же, в горы, он в конце концов, смертельно раненный в битве с русским охотником, идёт умирать. Там он и остаётся, окаменевает, и его облик суеверные охотники видят в очертаниях высокой скалы. «Горы считались священными местами, поскольку древние китайцы верили, что они, как колонны, поддерживают небеса. Мифы рассказывают, что горы были обителями для могущественных природных духов, которые вызывали грозы и посылали дающие жизнь дожди» (Кириллова, 2019b, с. 101). «Взгляд на священную гору как центр является наиболее известным в мире. Он появляется в своей распространённой форме как центральная ось, соединяющая три уровня космоса, – небо, землю и т.д. Ось придаёт стабильность и порядок вселенной вокруг неё. Как связь между тремя мирами, он действует как проводник силы, место, где священные энергии, как божественные, так и демонические, изливаются в мир человеческого существования. Наиболее традиционный взгляд на священную гору как космическую ось проявляется в буддистских видениях горы Сумеру» (Борейко, 2022). Бесконечной и до конца непостижимой тайной является символично-религиозная значимость гор. В символическом значении гора – точка пересечения двух пространств – человеческого и божественного.

Ван наделён божественной сущностью, он живёт в горах. Востоковед Н. И. Конрад (1996, с. 106) отмечал, что в Корею тигра воспринимали как божество, историческим свидетельством этого являются различные названия тигра, связанные с его местопроживанием: «горное божество», «горный господин», «горный государь», «горный дух», «горный герой». «О тигре сложилось мнение, что он “святой горный дух, которому нужно поклоняться”» (Ионова, 1970, с. 182). Изображение «святого горного духа» можно обнаружить у русского писателя-путешественника Н. Г. Гарина-Михайловского (1957), побывавшего в конце XIX века в Северной Кореи. Так, на вершине перевала Му-санлен путешественник обнаружил молельню: «У дерева, сажень в квадрате, под черепичной крышей надпись: “цон-нон-тан (святой дом начальника гор)”. Внутри на стене, перед входом, на коричневой бумаге изображение старика с белыми бровями, белой бородой, с жёлто-белым лицом. На нём зелёная одежда, жёлтые рукава (род ряски), красная подкладка, синяя оторочка воротника и рукавов. Под зелёной одеждой белый или даже палевый подрясник, ноги в китайских туфлях. Одной рукой он обнимает тигра, который изогнулся и смотрит старику в глаза. Это его лошадь, на которой он объезжает свою гору. На голове старика маленькая жёлтая корона из цветов. Старик сидит в задумчивой позе на скамье с перилами и смотрит тигру в глаза» (с. 31). Писатель подробно приводит и обнаруженные рядом упоминания. Согласно им, картину рисовал художник округа Херион, местности Тха-кор, О-хан-муги в 1898 году, третьей луны. «Внизу надпись: “святой начальник гор – Цхон-нион-та-тхон-уан-шив-у”. Картина за двумя красными кумачовыми занавесками. По двум другим сторонам множество лошадиных волос. Всякий проезжающий вырывает у своей лошади волосы из гривы и хвоста и вешает их, прося о благополучии от тигров. Перед изображением, среди молельни два-три камня, на которых сжигается душистое дерево в честь начальника гор» (с. 31).

Часто священные горы служат обителями богов. Как известно, в античности на горе Олимп жили древнегреческие боги, также подобные легенды связаны практически с любыми горами. «Священные горы дают кров божествам рангом пониже богов. Как центры и высокие места, открытые небу, горы обеспечивают идеальные алтари для совершения приношений богам и духам. Китайские императоры производили на священной горе Тайшань жертвоприношения, благодаря землю и небо за успехи их династий» (Борейко, 2022). Китайские

императоры считали очень важным совершать церемонии по восхождению на священные горы. Этим они как бы подтверждали своё божественное происхождение. «В их традициях было записывать свои высказывания на нефритовых табличках, которые затем в специальных шкатулках помещались на все времена на вершине священной горы» (Борейко, 2022). Об одном из таких императорских восхождений монах писал: «Когда ты поднимался на священную гору, ты увидел бессмертные существа. Они питались чистым нефритом, они пили из источника манны. Они ездят в карете, запряжённой чешуйчатыми драконами, они восходят на плавающие облака. Белый тигр ведёт их, и они ступают прямо на небеса» (Козлов, 1924, с. 169-173). «Китайцы говорят, что на священных горах бог и дьявол правят суд. Восточное выражение “уйти в священные горы” означало “умереть”. В китайских легендах говорится, что некоторые священные горы издали напоминают тучи: когда люди приближаются к ним, эти пики исчезают» (Борейко, 2022).

Часто горы служат также обиталищем духов предков. Вообще, образ горы, возвышения, восхождения, приобщения символически значим для восточной культуры и азиатского менталитета (Пэктусан у корейцев и китайцев, Фудзияма у японцев, Ниитака, или Юй-шань, что значит «Яшмовая гора», – самая высокая вершина гористого Тайваня). Характерно отношение к природным объектам как к живым, их почитание. Восхождение на горы для азиатов – не способ показать свою физическую силу, а проявление особого умонастроения, связанного с неким священнодействием. Как пишет Е. А. Неживая (2000), «образ горы передаёт идею возвышения. Восхождение на гору мыслится как путь самосовершенствования, приобщение к истине (Тун-Ли), развоплощение, освобождение от своей телесной оболочки (Ван). Горы – это прекрасное, высокое, величественное, вечное, это сама природа в её первозданном состоянии, образ, противостоящий суете и краткости земного бытия» (с. 14). Таким образом, проявление мифологического образа тигра в повести начинается не с самого тигра, а с его жилища.

Проявление по-настоящему мифологического образа тигра, «лесного царя» и «Горного духа», связано сначала с отцом тигрят – старшим Великим Ваном, который среди собратьев-хищников особенно выделялся своей величиной: «Старый самец, богатырь по сложению, чрезвычайно грузный и массивный. На широком лбу его и на затылке обозначены были иероглифы “Ван” и “Дэ”, т.е. “великий князь”. Ему повиновались все тигры» (Байков, 2009, с. 93). Для китайцев, как и для корейцев, тигр – символ могущества и власти. На лбу у него часто видели чёрные полосы в виде иероглифа «Ван», что значит «царь» или «владыка» (в виде трёх горизонтальных черт, соединённых посередине вертикальной линией), а на затылке другой иероглиф – «Дэ» – «великий князь». «У тигра его царственное достоинство, как верили китайцы и корейцы, в буквальном смысле написано на лбу, где полосы на шкуре складываются в знак ван – “государь”» (Малявин, 2000, с. 341). Иероглиф 王 (wáng, wàng) означает ‘царствовать, княжить, править империей; устанавливать власть над какой-либо территорией’. «Ван» – знак отмеченного Творцом Вселенной.

Отец Вана, как можно узнать из одноимённой главы, является богатырём среди тигров, всеми признанным и уважаемым властителем тайги, и носит такой же «божественный» знак, какой унаследовал его сын. Он пользуется уважением и почитанием как среди животных, так и среди двуногих обитателей тайги: «Местные таёжники знали его уже много лет и воздавали ему божеские почести, ставя на горных перевалах в честь его кумирни с надписями, обозначающими молитвенное обращение к владыке гор и лесов с целью его умильстить и задобрить» (Байков, 2009, с. 94). На вершинах гор и горных перевалах строятся звероловами-маньчжурами большие и маленькие кумирни (Мяо) в честь Великого Вана, тигра, живущего в этой местности. На особых дощечках у этих кумирен бродячий манза, одинокий зверолов или бесприютный хунхуз могли прочесть надписи, гласящие следующее: «Путник! Остановись и зажги свечу молитвы! Если ты чист душою и сердцем – не бойся и продолжай свой путь. Великий Дух этих гор и лесов охранит тебя от бед и несчастий!» (Байков, 2009, с. 135). Каждый путник выполняет эти требования, «если же у него нет с собой свечи, то он выколачивает пепел из своей трубки на жертвенник кумирни» (Байков, 2012, с. 366).

Повествуя истории старого Вана, Н. Байков (2009) обращается к китайским и маньчжурским легендам. Одна из них гласила, что лет сорок тому назад, будучи ещё молодым тигром, в лесах Омосянского уезда он был пойман сетями на одной из Императорских охот для зверинца в Пекине. Но учёные люди из свиты Богдыхана – Властителя Поднебесной Империи – признали в нём Великого Вана и с почётом отпустили его на волю. «Во время этой церемонии присутствовал и сам Богдыхан, и тигр почувствовал свободу, спокойно подошёл к правителю Китая, поклонился ему до земли и медленно удалился в свои родные леса. Такова легенда» (с. 95). Упоминается также и об отце этого старшего Вана, т.е. о деде Вана-младшего: «Отец его, великолепный корейский тигр, умер от старости на вершине священной горы Бай-Тоу-Шань (по-корейски Пак-Ту-Сан), в пещере Великого Духа Дракона» (с. 94). Примечательно, что и смерть деда-тигра была ознаменована землетрясением. Так, местные суеверные жители сложили легенду, что спящий в недрах горы Великий Дракон, лёжа в своём каменном ложе, ворочается и дышит.

Чем дальше такие воспоминания тянутся в прошлое, тем больше они обрастают множеством легенд и преданий, и младшему Вану предстоит стать достойным наследником своих великих предков. Когда старый Ван, проживший свою жизнь, удаляется на родину предков умирать, его сын остаётся наследником, которому суждено стать следующим Великим Ваном, властителем тайги: «Сын его, Великий Ван, отмеченный самой природой, рос не по дням, а по часам...» (Байков, 2009, с. 101). В этой известной фольклорной сентенции «не по дням, а по часам» – тоже отсылки к мифологическому восприятию. Перед читателями сказочный дискурс. За год Ван возмужал и вырос чуть ли не вдвое. «Массивные конечности его от постоянных упражнений приобрели упругость и крепость закалённой стали. Выпуклые мышцы груди, спины и шеи не уступали формам его отдалённых предков. Рост его превышал размеры его сверстников в полтора раза» (Байков, 2009, с. 135). Даже во время бушующей

грозы, разрывающих темноту ночи молний и рокота грома «грозный владыка тайги спал богатырским сном на гребне хребта и не слышал грозного голоса разгневанной стихии» (Байков, 2009, с. 129). Вану не страшна природная стихия, мифологически он равен ей: по своей неуёмной силе, мощи и королевскому происхождению.

Хорошо известно, что «культ тигра среди народов Дальнего Востока был связан со сверхъестественной силой, внушал страх и ужас первобытному человеку» (Старцев, 1994, с. 90). В соответствии с суевериями и народными верованиями у Н. Байкова (2009) тигр представляется существом почти демоническим: «Необычайная сила, поразительная ловкость, быстрота движений и удивительная хитрость гигантской кошки и в настоящее время поражают ум человека, наводя его на мысль о чём-то сверхъестественном» (с. 96). Уместно привести здесь и демоническое описание матери Вана: «При блеске молний её большие выпуклые глаза светились фосфорическим светом» (с. 79). В этом животном скрыта дикая сила и напряжённая страсть. «Недаром даже человек, ещё не увидев тигра, не ожидая его появления, чувствует особую, странную тревогу, смутение. Возможно, эмоции зверя по какому-то неизвестному пока физическому полю передаются человеку» (Шамякина, 2009, с. 30). Встретившись же с человеком, тигр становится существом гипнотизирующим: «Обаяние, которым пользуется тигр среди некоторых народов Азии, отчасти распространяется и на пришлых европейцев; так, некоторые охотники на крупного зверя заплатили своей жизнью при встрече с тигром, не будучи в состоянии поднять винтовку для выстрела. Пронзительный, полный сознания силы и могущества, гипнотизирующий взгляд свирепого хищника лишает человека, нервного и нравственно неустойчивого, воли и парализует его нервные центры, следствием чего является временный нервный шок или паралич органов движения. В таком состоянии человек легко становится жертвой хищника» (Байков, 2009, с. 96). Охотник Архипов, чудом оставшийся в живых после нападения тигра, пролежавший полгода в харбинской больнице и вышедший оттуда калекой, лишённым левой руки, рассказывает: «Я понимаю теперь, почему все звери боятся тигра! Один взгляд его жёлтых глаз может лишить сознания. Когда я тогда увидел этот взгляд на себе, мне большого усилия воли стоило поднять винтовку. Раньше я видел тигров в зверинце, в Москве, но зверь в клетке – это одно, а здесь на воле – другое. Здесь он хозяин, а не ты. Китайцы говорили, что это был Ван, то есть начальник всех тигров. Кто их знает, врут они или нет, а только скажу, что я не хотел бы встретиться с ним вторично. Ну его к лешему! Один раз попробовал – и довольно! Я не бежал от него и доказал, что не трус! И хватит!» (Байков, 2009, с. 201).

В монографии «Маньчжурский тигр» Н. Байков (2015), прекрасный охотник, отлично изучивший все повадки царственного животного, отмечает, что вся внешность могучего хищника и в особенности его грозный, сверкающий взгляд таковы, что стрелять в него иногда отказываются даже опытные смелые охотники, бывшие не раз медведей. «Психологически это объясняется тем, что опасность от этого зверя несравненно более велика, чем от медведя. Это и является доминирующим обстоятельством в сознании человека, поставленного лицом к лицу с тигром. Инстинкт самосохранения у таких людей обыкновенно сильнее страсти охотника, и на самом деле такому охотнику лучше не ходить на тигра, так как в самый критический момент у него дрогнет рука и изменит пуля, каким бы хорошим стрелком он ни был. По образному выражению русских промышленников, у таких охотников “сердце падает” при виде страшного хищника». Именно так, загипнотизированный и потерявший от страха разум, погибает зверолов Ли-Сан, которому Ван мстит за смерть своей подруги: «Вот он сам стоит перед ним, согнувшись под ношей своей кошёлки, вперив безумный, полный ужаса и страха взор в грозные, сузившиеся зрачки Владыки гор и лесов. Ван поднялся и продолжал гипнотизировать своим уничтожающим взглядом человека, потерявшего волю, инстинкт сохранения жизни и даже самый рассудок» (Байков, 2009, с. 148). Человек и зверь стоят друг против друга и состязаются силою своих взглядов. Но человек оказался слабее и уступил зверю. «Ли-Сан опустил глаза; сознание его померкло, тело как мешок упало на снег; кошёлка покатила в сторону» (Байков, 2009, с. 148). Видя перед собой живой труп, не способный не только к активной борьбе, но и к малейшему сопротивлению, тигр лапой переворачивает человека лицом кверху, обнюхивает и, отойдя в сторону, ложится в ожидании: «Глаза его не отрывались от человека. Он ожидал борьбы и боя на смерть, но надежда его не оправдалась. Великий Ван трупов не трогает, поэтому он будет ждать, когда проснётся человек, чтобы вступить с ним в бой» (Байков, 2009, с. 148). Пришедшего в себя Ли-Сана Ван разрывает на части, удовлетворяя месть хищника.

В рассказе «Корень жизни» писателя русского дальневосточного зарубежья М. Щербакова (2011) обездвиженный, обуреваемый первобытным ужасом погибает «белый лебедь» кореец Ким, который овладел чужим женьшенем посредством коварного убийства панцуйщика (истинного собирателя и добытчика корня). За незаслуженное овладение священным растением и совершённое преступление корейца настигает заслуженная кара: «Ким хотел броситься за трёхлинейкой к трупу Цзян-Куя, но его ноги не послушались, скованные древним, наследственным ужасом. Он упал ничком и начал твердить все молитвы к Отцу-Тигру, которые пришли на ум. Низкий рёв раздался над зелёным морем ещё раз, много ближе» (с. 27-28). Из чащи появляется Владыка тайги – так человек, преступивший суровый таёжный закон, расплачивается за содеянное: «Ким не смел пошевеливаться, не смел даже вздохнуть. На противоположном берегу ручья ему почудился лёгкий шелест. Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Как под гипнозом, поднял голову: перед ним, шагах в двадцати, горели рядом во мраке два зелёных крупных пустых изумруда. Ким ахнул, но тяжёлое шерстистое тело смяло его с прыжка. В лицо человека пахло гнилью из пасти зверя. Удар мощной лапы с молниеносной быстротой перевернул его на спину, и череп раскололся как орех между саблевидными клыками. Он не успел даже вскрикнуть» (с. 27-28).

В особые звериные ночи января, называемые таёжными обитателями по-китайски «э-шоу-э», – время гона, брачного периода гигантских кошек – могучий рёв тигра имел действие магнетическое и приводил в ужас

и трепет всех четвероногих и двуногих обитателей лесов. «Вообще, голос тигра производит сильное впечатление в дикой величественной обстановке первобытного леса, в ночной тишине, невольно возбуждая представление о страшной силе колоссальной кошки», – отмечал писатель в очерке «Маньчжурский тигр» (Байков, 2015). Могучий рёв, выражающий непреодолимую потребность любви, послушный великому зову природы, был чудовищно страшен как для всех обитателей леса, так и для звероловов тайги: «Подобно отдалённым раскатам грома рёв пронёсся над гребнями гор и замер вдали... раскаты грома, спускаясь ниже и усиливаясь, достигли оглушительного диапазона. Сила звука была настолько велика, что в фанзе задрожали окна и бумага, наклеенная на переплёты рамы, пришла в движение» (Байков, 2009, с. 139). Хищники издают оглушительные звуки. Так, в звуках голоса Вана было стихийное и необъяснимое, по Н. Байкову (2009), «казалось, он исходил не из груди животного, а из недр каменных громад, из груди матери-земли» (с. 139). Мифопоэтическое величие царственного животного как части природы подчёркивает и то, что «все живые существа, услышав эти звуки, падают ниц и лишаются способностей самостоятельности и обороны. Даже тигры-самцы при первых звуках голоса Вана смолкают и удаляются в чашу, стараясь не попадаться на глаза Повелителю» (с. 139).

Хронотоп тайги, представленный в текстах Н. Байкова, имеет отличительные особенности. Так, привычный отсчёт времени не имеет никакого значения, время измеряется лишь природными циклами, издавна отображёнными в мифах, легендах и сказках. При этом оказавшиеся в тайге герои попадают как бы в иное пространство и измерение, тягучее, сказочное, пластичное. Можно сравнить байковское повествование с хронотопом тайги, который реализуется в творчестве другого писателя восточной ветви русского зарубежья Б. Юльского (Кириллова, 2018, с. 131-151). Б. Юльский выписывает тайгу, Шу-хай, окружающие горы как символ уробороса. Уроборос, или кусающий свой хвост змей, как известно, является символом циклической природы, жизни и смерти, созидания и разрушения, вечности и бесконечности. У Н. Байкова (2011) герои часто именно в таёжном пространстве оказываются будто отделёнными от всего реального мира: «Когда совершенно стемнело, мы сидели уже на тёплых канах и, попивая чаёк, прислушивались к шуму тайги и вою волков, и мысли наши были очень далеки от всего культурного мира, оставшегося за гранями дремучих лесов Шу-хая» (с. 635). Такой временный «уход» людей, физический и ментальный, от цивилизации подчёркивает мифологичность хронотопа и священность, сакральность локуса, в котором находятся Бобошин и Пенснэ – герои таёжной были «Тигрица»: «Мы находились в волшебном царстве, куда не проникал ни один звук из внешнего мира» (с. 635). Сказочное пространство замкнуто.

Заимку Зотовых в той же «Тигрице» можно также рассматривать через призму определённой мифологической топографии, особенно после того, как там появляется пушистый обитатель. «Весть о том, что на Зотовской заимке воспитывается маленький Ван, быстро облетела горы и леса Шу-хая, и сюда приходили издалека полюбоваться сыном могучего владыки тайги» (Байков, 2011, с. 677). Паломничество людей в это место сравнимо с посещением кумирен, божниц, местных храмов, капищ. Посетители не утруждали живущих на заимке, пришедшие вели себя очень скромно, «приносили подарки, якобы для Вана, в виде шкурок соболей, дикого мёда и корешков жень-шеня» (Байков, 2011, с. 677). Таким образом, живущий на заимке будущий повелитель Шу-хая становится залогом сохранения Вселенной и природной гармонии. Он сакрализует собой пространство и одухотворяет, нравственно организует и возвеличивает людей, связанных с ним.

Заключение

На примере повести Н. Байкова «Великий Ван», таёжной были «Тигрица», а также рассказов и очерков из сборников «В горах и лесах Маньчжурии» и «Тайга шумит» предпринято обращение к ориентальной/азиатской/дальневосточной теме. Рассмотрен лишь фрагмент восприятия и художественного создания русским писателем мифопоэтического образа тигра и связанных с ним восточных фольклорных представлений. Обращение к священным местам таёжной зоны и анализ пространственно-временных отношений циклического природного характера, которые реализуются в тексте мифологическим величием тигра, не являются исчерпывающими. Сакрализация образа владыки зверей связана также с картиной мира таёжного человека, которая была основана на табуировании. Само название «тигр» было табуировано. Табу включало и запрет на употребление названий определённых предметов и явлений, имеющих отношение к этому таёжному божеству, называемому в текстах Н. Байкова Горным духом. Как известно, названия опасных животных у многих народов заменялись эвфемизмами. Использование лексем-эвфемизмов вообще было характерно для китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения, отличавшегося особой суеверностью. Эвфемизмами пользовались в качестве замены, это были разрешённые слова, их употребляли вместо запрещённых (табуированных). Поскольку в основе явления эвфемизма лежат глубоко архаичные пережитки языковых запретов произносить прямые наименования опасных предметов и явлений, то и рассмотрение в произведениях русского писателя-эмигранта эвфемизмов как эмоционально нейтральных слов или выражений, употребляемых вместо синонимичных им слов или выражений, требует анализа. Однако не только и не столько лексемы-эвфемизмы нужно оценивать как понятия этнографические, их необходимо исследовать как факты языка, которым свойственна магическая функция. Поскольку различные табу и эвфемизмы существуют во всех языках мира, связаны с религиозно-обрядовой практикой и занимают активные позиции в текстах дальневосточных писателей, то всё это, несомненно, формулирует перспективы дальнейших исследований творчества Н. Байкова.

Источники | References

1. Байков Н. А. В горах и лесах Маньчжурии: очерки. Тигрица: повесть / коммент. и прилож. Е. Ким. Владивосток: Рубеж, 2011.
2. Байков Н. А. В делях Маньчжурии (главы из книги) // Рубеж. 2003. № 4.
3. Байков Н. А. Великий Ван: повесть. Чёрный капитан: роман / вступ. ст. Е. Ким. Владивосток: Рубеж, 2009.
4. Байков Н. А. Маньчжурский тигр. 2015. URL: <http://www.sixote-alin.ru/books/baikov/h1.html>
5. Байков Н. А. От Хингана до Харбина: путевые заметки // Рубеж. 1995. № 2.
6. Байков Н. А. Тайга шумит. По белу свету. У костра. Сказочная быль: очерки и рассказы / коммент. Е. Ким. Владивосток: Рубеж, 2012.
7. Березницкий С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003.
8. Борейко В. Е. Священные горы. 2022. URL: http://www.baikaldivo.ru/applications/ecology/article_04.htm.
9. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 5. Воспоминания, сказки, пьесы, статьи.
10. Дмитриевский-Байков Н. И. Жизнь и творчество Н. А. Байкова. Брисбен, 2000.
11. Ионова Ю. В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии / отв. ред. И. А. Крывелев, Г. Г. Стратанович. М., 1970.
12. Ким Рехо. Байков Н. А. // Русское зарубежье: золотая книга эмиграции: первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / отв. ред. Н. И. Канищева. М.: РОССПЭН, 1997.
13. Кириллова Е. О. Духовно-ценностная концепция Ориента в художественных произведениях Н. А. Байкова: китайские и тунгусо-маньчжурские мифологические представления о тигре // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93).
14. Кириллова Е. О. Космогонический образ дракона-уробороса в художественном восприятии писателя русского дальневосточного зарубежья Б. Юльского // Научный диалог. 2018. № 5.
15. Кириллова Е. О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б. М. Юльский, Н. А. Байков, М. В. Щербаков, Е. Е. Яшнов). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015.
16. Кириллова Е. О. Ориентальный образ тайги в произведениях дальневосточного писателя Н. А. Байкова (к проблеме диалога культур Тихоокеанской России) // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации: сб. мат. II Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019а.
17. Кириллова Е. О. Религиозно-обрядовые установления и верования корейцев в дальневосточной повести русско-польского писателя С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны» // Труды Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2019б. № 23.
18. Кириллова Е. О. Творчество писателя дальневосточной эмиграции Н. А. Байкова как пример культурного взаимодействия в условиях трансграничья. Региональный образ священного дерева // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 4 (73).
19. Кириллова Е. О. Фитоморфная мифология Тихоокеанской России в прозе маньчжурского писателя Н. А. Байкова (к проблеме духовных ценностей в системе межкультурных коммуникаций) // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: мат. участников IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. / отв. ред. А. А. Новикова. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2019с.
20. Козлов П. К. Монгольский заповедник Богло-Ула // Известия Русского географического общества. 1924. Т. 56. Вып. 1.
21. Конрад Н. И. Неопубликованные работы и письма. М.: РОССПЭН, 1996.
22. Крюков С. Из разведки в философию. 2012. URL: <http://maxpark.com/community/901/content/1735688>
23. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000.
24. Меряшкина Е. В. Ориентальная специфика повести Н. А. Байкова // Записки Гродековского музея. 2013. Вып. 29.
25. Неживая Е. А. Художественный мир Н. А. Байкова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2000.
26. Петраченко О. Н., Кириллова Е. О. Восточные образы животных в творчестве писателя Н. А. Байкова // Учёные заметки Тихоокеанского государственного университета. 2016. Т. 7. № 3-2.
27. Плотина Н. Н. Творчество Н. А. Байкова: проблематика, художественное своеобразие: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2002.
28. Рачинская Е. Перелётные птицы. Сан-Франциско: Глобус, 1982.
29. Сайками Токио. Писатель маньчжурской тайги Байков // Сэкай. 1962. № 2.
30. Старцев А. Ф. Культ тигра у народов Приамурья и Приморья // Этнос и культура: сб. ст. Владивосток, 1994.
31. Шамякина Т. И. Китайский народный календарь и славянский мифологический бестиарий. Параллели. 2009. URL: <https://docplayer.com/26068672-Tatyana-shamyakina-tradicionnyy-kitayskiy-kalendar-i-slavjanskiefmifologicheskie-paralleli.html>
32. Щербаков М. В. Одиссеи без Итаки: повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011.

Информация об авторах | Author information

RU

Кириллова Елена Олеговна¹, к. филол. н.

¹ Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток;
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток

EN

Kirillova Elena Olegovna¹, PhD

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok;
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

¹ sevia@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.05.2022; опубликовано (published): 30.06.2022.

Ключевые слова (keywords): Н. А. Байков; повесть/роман «Великий Ван»; литература русской дальневосточной эмиграции; этнография; N. A. Baykov; novella/novel “The Great Wang”; Russian Far Eastern émigré literature; ethnography.